

ИННА НИКОЛАЕВНА МИНЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ruslitemig@mail.ru

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «СКОМОРОХ ПАМФАЛОН (СТАРИННОЕ СКАЗАНИЕ)»*

Представлены некоторые наблюдения над творческой историей повести Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон». Удалось установить, что отправной точкой для ее написания послужило не собственно житие «Память преподобного отца нашего Феодула епарха», с которым писатель познакомился по изданию Пролога 1642–1643 годов, а сделанный в записной книжке его конспект. В процессе фиксации Лесков вступает в полемику с первоисточником и вносит в него концептуальные изменения. Декларируемая в Прологе идея спасения души в конспекте затушевывается. Наиболее значимой и интересной для писателя стала проблема праведничества. Согласно авторской интерпретации, праведником является не столпник Феодул, как в исходном тексте, а скоморох Корнилий. В отличие от столпника, он живет добром не как идеей, а как Присутствием. Подобное прочтение исходного текста обусловило направление всей последующей авторской правки (изменение названия жития в записи, введение биографических/психологических характеристик героев, сокращение эпизодов). Переработанный проложный сюжет получает у Лескова новую актуальность в 1886 году. На его основе писатель создает повесть «Боголюбезный скоморох» (редакция – 1886). Сохранив и разлив намеченное в записи идейное ядро, Лесков переработал проложное житие в нравственно-философскую повесть о праведности как служении людям, земном мире как школе, путях преодоления сомнения, согласия с собственной неправдой и восстановления утраченного чувства родства с Богом и миром. После запрещения Светской и Духовной цензурой в 1887 году издания повести Лесков вынужденно вносит в нее правку. С целью завуалировать религиозный первоисточник в первом варианте редакции – 1886 изменяет прежнее название повести на «Скоморох Памфалон», дает новые имена персонажам, заменяет имя Оригена на его прозвище Адамант, исключает проложные цитаты. Все другие изменения – творческие (включение эпиграфа, преобразование финала). В новой публикации 1887 года (второй вариант редакции – 1886) под тем же заглавием устраняет сделанные ранее формальные поновления (восстанавливает проложные цитаты и имя Оригена). В исследование впервые вводятся не опубликованные ранее архивные материалы.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Н. С. Лесков, повесть «Скоморох Памфалон»

В середине 1880-х годов Лесков конспектирует в записную книжку житие «Память преподобного отца нашего Феодула епарха» (3 декабря), с которым познакомился по изданию Пролога 1642–1643 годов (М., Синод. тип.) [4].

В нем рассказывается о богатом «патрикии и епархе» Феодуле, жившем в царствование императора Феодосия Великого. Благочестивый Феодул, «видя хищники и лихоимцы насильствующие и не терпя того видети», отказался от службы и, раздав нищим свое имение, удалился в пустынь. Там, «возшед» «на некий столп <...> тридесат лет на нем пребысть, монашеским житием пребывая». Однажды Феодул «подвигся мыслию <...> кацы суть Богу угождающие». И тогда был ему глас Божий, назвавший таковым «великокривного» «мима» Корнилия из Дамаска. Феодул сходит со «столпа», находит скомороха и умоляет его рассказать, как он удостоился при жизни Царствия Небесного. Корнилий поведал ему, что он грешен и некогда «обещахся чистому

житию». Но обещание было нарушено, поскольку все свои сбережения, позволившие бы ему оставить греховное ремесло, он отдал «некой жене», попавшей в беду. «Сия слышав», Феодул возблагодарил Бога и возвратился на свой «столп»¹.

По мнению М. А. Чередниковой, данное житие представляет собой традиционный телеологический, душеполезный сюжет: все события, описанные в нем, оправдывают смысл подвижничества жизни пустынника. В то же время он не совсем соответствует агиографическому канону, так как допускает возможность спасения скомороха, живущего в миру и не оставляющего своей профессии [6; 114].

В дарственных надписях и письмах 1887 года Лесков назвал проложное житие основным источником повести. На шмуцтитуле сборника «Повести и рассказы. I. Скоморох Памфалон. II. Спасение погибавшего» (СПб., 1887), подаренного И. Е. Репину, читаем: «По Прологу супр<альской> печати “Житие иже во св<ятого>

отца нашего Феодула столпника и Корнилия скомороха»» (ОГЛМТ. 610/18 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 252). Между тем анализ сохранившихся творческих материалов позволил обнаружить важный, ранее неизвестный факт в истории создания произведения. Отправной точкой для его написания послужил не собственно проложный первоисточник, а сделанный в записной книжке конспект (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 12 об.–14). В процессе фиксации Лесков вступает в полемику с телеологическим сюжетом и вносит в него концептуальные изменения. Настойчиво декларируемая в Прологе идея обретения Царствия Небесного, спасения души в конспекте затухает. Наиболее значимой и интересной для писателя стала проблема праведничества – в чем суть данного феномена? Кто такой праведник? Согласно авторской интерпретации, праведником является не столпник Феодул, как в первоисточнике, а скоморох Корнилий из Дамаска. В отличие от бывшего епарха, сознание героя не отягощено «обрядоверием», его жизнь наполнена деятельной любовью, самоотверженным служением людям. Подобное прочтение исходного текста обусловило направление всей последующей авторской правки. Конспектируя проложное житие, Лесков кардинально изменил его название – «Корнилий скоморох жене мужа выкупил (Житие Феодула столпника)», тем самым определив и выделив для себя главное в Прологе событие (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 12 об.). Кроме того, в подготовительных материалах намечена иная по сравнению с первоисточником интерпретация образа отшельника Феодула. Сохраняя в записи такие качества проложного персонажа, как «кротость», «порядочность», «душевное возмущение» (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 12 об.) по отношению к тому, что происходит в византийском обществе, в то же время Лесков практически полностью проигнорировал описания его жития. Данная тенденция заметна в существенном сокращении эпизодов об иночестве бывшего епарха. Полностью снята часть о его молении и причащении. Наконец, важным преобразованием является включение в конспект отсутствующих в Прологе характеристик – странного диалога между героями и биографическо-психологических уточнений, одновременно разблачивающих строй мыслей сосредоточенного на внешней стороне подвижничества и созерцательности бывшего епарха и утверждающих «скрытое» за комедийством великодушие, благочестие и беззаветность незаметного скомороха. Приведем фрагмент лесковской записи в сопоставлении с первоисточником:

Пролог: «<...> Феодул же в душевное слитие подвижеся и Дамаска достиг, и Корнилия обрете, паде к ногам его выну ища изобрести житие его. Он же грешника себе быти глаголаше и нико-его же блага имуща быше же лежа старец слезя

и моляся. Он же убедився рече: аз отче измлада возраста сложми и скомрахи воспитахся и за многая лета тако ходив в жизненных притчах <...> Единаче же страцу лежащу и молящуся с заклинанием, яже и прочая ему изреци. Отвеча он и глагола <...> Жена некая славна и богата <...> мужеве некоему от своих ея вdana бывши браку <...> она же жена богатство изнузив <...> в темнице затворен бысть от заимодавец <...> жена <...> начат просити снеди ему и откупа, еже бы искупити его <...> Азь <...> распродах некоторые вещи <...> и иного долга исполнив чetyреста златник и вдах ей <...> рек к ней, приими сия жено и иди с миром и мужа своего свободивши <...> помолился всем сердцем милостивому и щедрому Богу <...>» (л. 445).

Записная книжка: «<...> Феодул пошел в Дамаск и нашел Корнилия и стал его расспрашивать: что он за человек и какое его прошлое? Корнилий и отвечать не хотел: “Что тебе это впадо на мысль, – говорит, – меня расспрашивать. Я человек очень грешный”. Но столпник ему впал в ноги и не поднимается: “Скажи, – говорит, – я не отступлю: ты сделал что-нибудь хорошее и богоугодное в твоей жизни. Кто тебя научил? Открой мне это”. Корнилий увидел, что имеет дело с человеком кроткого характера, и, чтобы разделиться с стариком, стал ему <нрз.> говорить: “Я, старче, жил всегда скверно и беспорядочно с комедиантами да скоморохами и с ними я воспитан. И ходил с скоморошеством по свету много лет, представляя разные комедийные действия <нрз.> того, что в жизни бывает”. – Но размышлял, верно, и калялся? – И не размышлял и не калялся, потому что некогда мне было ни о чем этом подумать <...> столпник Феодул не удовлетворился этим <...> Тогда Корнилий подумал и отвечал: – [Почему он себя не устроил] Разве еще вот какой со мною был раз случай. Довелось мне знать одну очень красивую женщину знатного и богатого рода, которая через беспутство своего мужа пришла в совершенную нищету и всеми была презренна и оставлена <...> Ходила выпрашивать для него пищи и выкупа <...> чтобы искупить его. Он (скоморох. – И. М.) распродал все свои “вещи <...> исполнив одного долга 400 златниц и вдах ей рече: приими сия жено и иди с миром и мужа своего свободивши”. А сам остался ни с чем при прежнем ремесле» (л. 13–14).

К переработанному в записной книжке проложному житию Лесков вновь обращается в середине мая 1886 года и на его основе создает повесть под названием «Боголюбезный скоморох. Старинное сказание» (редакция – 1886). Толчком для ее написания послужила авторская полемика с суждениями читателей о «Флорентийской легенде» (история любви Джиневры и Антонио) английского поэта, критика, эссеиста Лей Гента и «опытами» Л. Н. Толстого в литературной об-

работке агиографических источников. Об этом писатель открыто говорит в предисловии к редакции – 1886: «В вышедшей <...> книжке журнала “Дело” напечатана <...> “Флорентийская легенда”, в драматическом изложении Лей-Гента. Этой переводной пьесе посчастливилось обратить на себя внимание читателей, она многим понравилась за “благородство сюжета”. Читатели сравнивали нежность чувств “флорентинской легенды” с тем, что изображают легенды византийского происхождения, с которыми русское образованное общество теперь понемножку знакомится при чтении несравненных пересказов Льва Николаевича Толстого. Из сравнений “Флорентийской легенды”, пересказанной Лей-Гентом, с сюжетами легенд византийского происхождения, пересказываемых Толстым, у читателей сложился такой вывод, что самые сюжеты западных легенд гораздо разнообразнее, живее и нежнее сюжетов легенд византийских, которые однообразны, грубы и мужиковаты» (РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 5. Л. 1–2). Не соглашаясь с выводами современников, Лесков отстаивает историко-культурную, экзистенциальную и эстетическую значимость византийских сюжетов. В предисловии редакции – 1886 он пишет: «Мне это кажется не совсем верным, – по крайней мере в отношении *разнообразия* <...> Старинный легендарный жанр повествований имеет в этом роде сказания несравненно более реальные, простые и сильные» (л. 1–2). С целью развеять сформировавшиеся в обществе иллюзии писатель ставит перед собой задачу показать превосходство византийских легенд над легендами западными и представить их «не с одной только той стороны, которая с беспримерным <...> мастерством эксплуатируется графом Львом Николаевичем Толстым», так как «у него есть свои цели, которым и отвечает его выбор» (л. 1–2). В качестве доказательства Лесков предлагает аудитории собственный пересказ проложного жития «Память преподобного отца нашего Феодула епарха». Именно его он считал «по достоинству своему гораздо выше флорентийской легенды», находя в нем «жар, живость, толк и здоровую мораль» (л. 1–2).

В ходе литературной обработки первоисточника писатель намеревался 1) восстановить «<...> быт того мира, которого мы не видали и о котором иосифовский “Пролог” в житии св<ятого> Феодула давал только слабый и самый короткий намек» [3; 348–349]; 2) воспроизвести «картину столкновения благородного сердца с фетишизмом и ханжеством» (РО РНБ. Ф. 874. Ед. хр. 34. Л. 124–124 об.), «<...> живет скоморох хочет исправиться, но не может, потому что все увлекается состраданием к несчастным, а в конце ему говорят, что ему уже и исправляться не в чем...» (РО РНБ. Ф. 874. Ед. хр. 34. Л. 125–125 об.); 3) «<...> пересказать <...> простым русским языком, в том виде, в каком эта византийская легенда представляется при вникновении в ее сущность» (л. 2).

Какова же «сущность» проложного жития на новом этапе его постижения? С какой такой «стороны» Лесков задумал показать его читателям? Каковы основные векторы развития авторского замысла?

Сгенерированная в конспекте общая концепция проложного жития в редакции – 1886 получает большую определенность, проясняются главные ее аспекты. Лесков вносит в исходный текст композиционную, эйдологическую, стилистическую правку, углубляет его отдельные темы и мотивы. Наиболее сложная творческая работа была посвящена образу епарха Феодула и скомороха Корнилия.

В новом пересказе Лесков сохраняет и развивает намеченную ранее неоднозначную трактовку образа Феодула, придав ему большую гибкость и многогранность. Действия проложного героя теперь получают религиозно-философские, психологические мотивировки, его суждения приближаются к евангельскому идеалу: «У Феодула душа была мирная, и он ее очистил и укрепил в любви по евангелию <...> Он говорил: если идти по евангелию, то надо все так и делать, как показано в евангелии, а не так, чтобы просить у Бога одно, а самому заводить наперекор тому совсем другое: читать: “Оставь нам долги наши, яко же и мы оно оставляем”, а вместо того ничего никому не прощать <...> Феодул “богатство многосузное” продал <...> Поступил он так потому, что хотел “совершен быть”, а тому кто желает достичь совершенства, Христос коротко и ясно указал один путь: “Отдай, что имеешь, и иди за Мною”...» (РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 5. Л. 3–4).

Вместе с тем на данной стадии осмысления проложный персонаж начинает проявлять себя с неожиданной стороны. В его ментальности внезапно обнаруживаются такие черты, как «себялюбие», «потакание себе», «согласие с собственной неправдой»². Особенно явственно они проявляются в эпизоде выбора пути: «или оставить Христово учение, или оставить знатность» (л. 3). В отличие от конспекта, в своем решении «сложиться с себя всякую власть» герой руководствуется теперь не «возмущением душевным», как в записи, а боязнью того, что если он станет «со всеми спорить», защищая истину Учителя, то «войдет через то всем в остылищу и облекут его перед царем клеветами и погубят» (л. 4): «Не хочу я никого не срамить, ни упрекать, потому что все это противно душе моей» (л. 4).

Полярность образа Феодула усиливается также за счет введения в редакцию – 1886 контрастирующих по отношению друг к другу развернутых описаний его столпнического жития и унылых размышлений о судьбах мира и человечества. Если в записной книжке Лесков освобождает исходный текст от аскетических реалий, то теперь намеренно их вводит. Картину иноческого

быта и бытия проложного героя писатель реконструирует по образцу житий древних христиан. Удалось установить, что основные сведения о подвижничестве святых писатель заимствует из книги Палладия Еленопольского «Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов» (V в.). В РГАЛИ сохранился автограф в виде отдельного листа, содержащий многочисленные выписки из труда христианского епископа – имена добродетельных мужей и благочестивых жен, фрагменты житий, изречения старцев, большинство которых творчески реализованы в новом пересказе (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 105). Восстанавливая обстоятельства и детали жития бывшего епарха, писатель следует основным составляющим агиографического канона: 1. Пост, причащение преподобного: Феодул «хлеба, и ничего готовленного на огне <...> не ел и позабыл и вкус их» (л. 5) – ср. в выписке на отдельном листе «Не ел ничего готовленного на огне» из гл. 12. Лавсаика «Об Аммонии». 2. Подражание святым мужам: «Разговоров он не имел ни с кем никаких и казался строг и суров, подражая в молчании Или» (л. 5) – ср. в выписке на отдельном листе «О <тец> Памва говорил: кто принимает бездомного и также совершает (дело) Авраамово, а пустынножитель подражает Или» из гл. 15. «О Паисии и Исаяи». 3. Чудеса, творимые святыми: «Люди, которые считали его способным творить чудеса, приходили, становились в тени его, которую солнце бросало от столпа на землю, и отходили» (л. 5) – ср. в выписке на отдельном листе «Уважали тень с <его> мужа» из гл. 1 книги Палладия «Об Исидоре Странноприимце». 4. Книжная премудрость блаженных отцов: «А он все молчал вперяя ум в молитву или читая на память три миллиона стихов Оригена и двести пятьдесят тысяч стихов Григория, Пиерия и Стефана» (л. 5) – ср. в выписке на отдельном листе «Знал все сочинения древних толковников, в числе которых три миллиона (объяснительных) стихов Оригена, 250.000 стихов Григория, Пиерия, Стефана, Василия и др <угих>. Не оставлял не прочитанной не одной книги и каждую прочитывал до 7 раз и тогда т <олько> начинал иметь о ней суждения. Знал все превосходно» из 124 гл. Лавсаика «О Сальвии».

Между тем внешне благочестивая по духу обстановка дисгармонизирует с внутренним мрачным и унылым состоянием проложного героя. Обретению согласия с самим собой и миром препятствуют себялюбие, постоянные сомнения в цели творения, чуде жизни. Почитая себя всех «совершенней», бывший епарх не замечает того, что в земной мир привносит несовершенство: «Впечатления, вынесенные столпником из столицы, были так неблагоприятны, что он отчаялся за весь мир и не заметил того, что через это унижал цель творения и себя одного почитал совершеннейшим. Повторяет он Оригена, а сам

думает: ну пусть так, – пусть земной мир весь стоит для вечности и люди в нем, как школяры в школе готовятся, чтобы явиться в вечности, показать свои успехи в здешней школе. Но какие же успехи они покажут, когда живут так лениво и ничему не учатся и ничего не позабывают? Не будет ли вечность впусе? Пусть утешает Ориген, что не мог же впасть в ошибку Творец, узрев “яко все добро зело”, если оно на самом деле никуда не годится, а Феодулу все-таки кажется все “лежащим во зле”, и ум его напрасно старается прозреть: “кацы суть Богу угождающие и вечность улучившие”» (л. 5, 6).

Процитированный фрагмент приобретает в редакции – 1886 узловое значение. В нем не только происходит окончательное развенчание праведности Феодула, но и обнаруживается религиозно-философский, скрытый смысл проложного жития. Содержащиеся в суждениях героя отсылки к Книге Бытия (1:31; 6:5), Первому Посланию Иоанна (5:19), старопечатному Прологу и трактату Оригена «О Началах» актуализируют тему спасения души (в конспекте этот аспект приглушен) и взаимоотношения Бога и человека. В новой переработке они становятся центральными и последовательно развиваются в эпизодах, связанных со столпником Феодулом и скоморохом Корнилием. В отличие от записи, в воссозданном житии бывшего епарха Лесков подчеркивает, что в один из моментов своей внутренней жизни он утратил связь с Божьим миром, усомнился в цели Божьего Творения (земной мир как школа) и смысле человеческого бытия. Упоминание бывшим епархом имени христианского теолога Оригена и оригеновской идеи о мире как школе включает в контекст произведения автобиографический пласт повествования. В мировоззрении писателя жила идея о том, что земной мир «во времени и пространстве поставлен под знак школы», «это есть время педагогической переделки человека», «Бог, как воспитатель, ведет воспитуемое человечество от несовершеннолетия к совершеннолетию» [1; 157–192]. Еще в 1876 году он писал С. Н. Щербальскому: «<...> существование наше все-таки не случайность, а школа, воспитательный период, никак не более, и затем состояние “какого не видел глаз и не слышало ухо”» [2; 439–440]. Лесков считал Оригена религиозно-философским авторитетом. В письме В. Г. Черткову он называл его «великим умом» [3; 328–329], а А. С. Суворину сообщал о «солидарности» «Шопенгауэра с Оригеном Адамантовым по вопросам о происхождении характеров, назвав это чрезвычайно любопытным» (РО ИРЛИ. Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 82).

В соответствии с авторской трактовкой проложного жития Феодулу необходимо возродить утраченное чувство родства с Божьим миром и преодолеть самозаблуждения. В связи с этим концептуальной правке подвергся ключевой

в конспекте диалог столпника со скоморохом. Уяснить суть его переработки возможно только после рассмотрения образа скомороха.

Образ скомороха Корнилия Лесков воссоздает по контрасту с образом Феодула: внешний лик не соответствует внутреннему. Реконструируя его облик, писатель использует формулы «этикетного» описания скоморошества (термин Н. С. Демковой), содержащиеся в фольклорных и средневековых памятниках: реалии скоморошьяго быта (скоморошье платье, звонцы, трещотки, накры, маски, ученые животные), названия скомороха (смехотворец), описание его поведения, отождествление скоморошества с бесовством (Корнилий не желает, по слову столпника, «оставить бесовские потехи») и народное воззрение на веселый труд скомороха («Корнилий придет и веселый смех будет», – говорит неведомый собеседник).

Между тем главный акцент Лесков делает на восприятии скоморохом Бога. В образе Корнилия он актуализировал идею о взаимоотношении Бога и человека как «Творец–тварь», выразив ее через библейские метафоры «Горшечник – глина», «Творец – “сосуд в честь и сосуд в поношение”». В мировидении Корнилия Создатель определяет каждому человеку различную должность служения на земле и управляет каждым соответственно его движению или расположению души. Земное существование человека есть для скомороха период совершенствования, который предшествует переходу в «другую обитель».

Раскрывая данный аспект проложного жития, Лесков наделяет персонаж некоторыми чертами собственной ментальности. Параллелей между эпистолярными диалогами писателя с современниками и текстом редакции – 1886 много: 1) Скоморох Корнилий: «Я только в него (Бога. – И. М.) верю, на него надеюсь и люблю его за то, что Он позволял мне чувствовать себя вблизи Его в немногие минуты» (л. 18) – ср. письмо Лескова Н. П. Крохину от 13 декабря 1889 года: «Хоть изредка, но я любил моего Господина, и слышал в себе Его голос, и повиновался Ему. В эти только минуты, я и жил отрадною жизнью и понимал слова: “Ты во мне, и я в Тебе и Он в нас”» (РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 44. Л. 27 об.); 2) Скоморох Корнилий: «Разве может слабый человек давать обет Всемогущему, который его представил, чем ему быть и мнет его, как мнет горшечник глину на кружале» (л. 18), «...говорил в уме с Богом: Ты Творец, а я тварь – мне тебя не понять, Ты меня всунул для чего в эту кожаную ризу и бросил сюда на землю трудиться, я и таскаюсь по земле, ползаю, тружусь» (л. 19), «...нужен сосуд в честь и нужен сосуд в поношение. Живи ты для чести, а я определен жить для поношения, и, как глина, я не спорю с моим горшечником» (л. 20) – ср. письмо Лескова сыну А. Н. Лескову от 1 июня 1891 года: «Понимай Бога Павлова: не спорь глина с Горшечником: он лепит из тебя

тот сосуд, который в эти минуты нужен в Его хозяйстве. Ты хочешь быть кабинетною вазою, а в хозяйстве Его нужен ты на горшок, чтобы щи варить или выносить помои» (РО ИРЛИ. Ф. 612. Ед. хр. 13. Л. 3); Письмо Лескова О. С. Крохиной от 29 февраля 1892 года: «Надо помнить, что мы не по своей воле возникли и пришли в мир, а по воле Пославшего: мы – глина, а Он – горшечник и что Ему нужно – то он из нас и делает, и на то нас приспособляет <...> Он (Господин. – И. М.) позвал друга нашего Николая Петровича (о смерти Н. П. Крохина. – И. М.) с здешней работы на другую <...> он делает теперь другое дело, находясь в другом положении, о котором мы не можем составить себе понятия» (РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 42. Л. 24 об.–25).

По сравнению с конспектом в редакции – 1886 усилен мотив праведничества скомороха. Теперь в его облике более четко, глубоко выписаны и введены новые черты, характерные для лесковских героев-праведников: низкое социальное место в обществе, высокий нравственный статус, великодушие, милосердие, самозабвенное служение ближним, победа над искушениями. Обозначенная переработка образа Корнилия наиболее четко выявляется в диалоге со столпником. В отличие от записи, писатель вновь его концептуально правит. Главное новшество заключается во введении в редакцию – 1886 эпизода преображения столпника. Превозмогая самообман, бывший епарх осознанно возрождает в себе смысл земного бытия как школы, ощущение господства Божьего Промысла над жизнью человека и утверждается в «полезности» миру: «...я был горд <...> и искал своей чистоты вместо того, чтобы помогать людям в их горе, и когда я считал себя чище и лучше других, мне было указано идти у тебя поучиться. Ты меня научил, чем ты меня людям полезней и Богу любезней. Ты шел низким путем и перед тобой уже отверзта высокая дверь, а я, высоко стоя, чуть не споткнулся» (л. 32).

Этот важный в идейном отношении эпизод Лесков варьирует, присочиняя отсутствующую в конспекте концовку смерти героев, которая трактуется как переход душ в «новую жизнь», «другую обитель» и описывается с помощью традиционных средневековых формул – изображение смерти праведника и грешника, «материализация» человеческих грехов, прощение грешника при жизни путем «стирания» его грехов: «...бежит по улицам города <...> Корнилий и на голове у него медный венец скомороха, но день ото дня венец этот блистает все ярче и ярче и, наконец, так засиял, что нет силы смотреть на него. И поднимается Корнилий от земли на воздух, и летит прямо к пылающей алой заре, а в зареве жарком зари словно углем и сажей начкано слово “самомнение” <...> Но скоморох снял свою скоморошью епанчу и стер это слово. И тогда Феодул вдруг увидел себя в несказан-

ном свете и почувствовал, что летит в высоте рядом с Корнилием <...> Прохладное облако густою тенью застлало дальнейший их след от земли, и с румяной зарею заката вместе слились отшедшие души старца Феодула и скомороха Корнилия» (л. 33–35).

Итак, сохранив и развив намеченное в записи идейное ядро, Лесков переработал проложное житие в нравственно-философскую повесть, утверждающую идею праведности как проявления любви к ближнему, о земном мире как школе, преодолении самомнения и восстановлении утраченного чувства родства с Богом и миром. Художественная концепция повести формируется с помощью индивидуализации, психологизации проложных героев, детализации ключевых эпизодов, введения библейских, философских, литературных аллюзий, цитат, повышения степени субъективности текста за счет наделения писателем проложных образов чертами собственной ментальности и т. д.

Между тем на данном этапе работа Лескова над проложным житием не закончилась. Поводом для дальнейшего его осмысления послужили главным образом внешние факторы. В конце января 1887 года Светская и Духовная цензуры запретили публикацию первых 11 глав в февральском номере журнала «Исторический Вестник» [5]. 3 февраля в редакцию журнала была передана резолюция Духовного цензора [5]. Однако уже к 1 февраля Лесков знал о причинах запрещения «Боголюбезного скомороха». Вероятно, писатель встречался и беседовал с архим. Тихоном. Это подтверждает его письмо В. Г. Черткову от 1 февраля 1887 года: «Дело со “Скоморохом” в некоей надежде спасения, – только слова о христианстве (лишь слова) все выпустили. “Духовный цензор” оказался умнее “плотского”. Он говорит: “Тут до меня ничто не касающе”, кроме имени Феодула, который есть в святцах» [3; 330]. Желая спасти повесть, Лесков правит текст довольно быстро. Уже 2 февраля в типографии А. С. Суворина появляется новый набор рукописи (1-й вариант редакции – 1886). Сравнение текста редакции – 1886 и нового ее варианта (Исторический Вестник. 1887. Т. 23. № 3) позволяет пересмотреть вывод А. М. Ранчина только лишь о формальном характере правки повести [6]. На наш взгляд, более правомерно говорить как о формальных, так и творческих изменениях. В соответствии с требованиями Духовной цензуры Лесков вно-

сит в 1-й вариант редакции – 1886 следующую правку: 1) изменяет заглавие: «Боголюбезный скоморох» в итоге стал называться «Скоморох Памфалон»; 2) дает новые имена персонажам: Феодул стал Еремием, Корнилий – Памфалоном; 3) заменяет имя Ориген на его прозвище Адамант; 4) исключает проложные цитаты или заменяет их синонимичными конструкциями на современном русском языке, тем самым завуалировав компрометирующий повесть первоисточник. Все другие установленные нами изменения носят творческий характер: 1) по сравнению с редакцией – 1886 Лесков сильнее акцентирует религиозно-философскую тему «земной мир как школа», включив эпиграф из трактата Лао-тзы «Дао Дэ Цзин» (Ч. II. Гл. 76) о «величии» слабости и «ничтожности» силы; 2) усиливает мотив превосходства великодушного скомороха над отрешившимся от мира столпником путем расширения в гл. 10 диалога между главными героями; 3) преобразует финал повести: в редакции – 1886 столпник возвращается на «столп», в 1-м варианте редакции – 1886 уходит в мир к людям.

Однако Лесков не был удовлетворен новой переработкой. 11 марта 1887 года он сообщал А. С. Суворину: «Хотел бы знать Ваше мнение: неужто “Скоморох” совсем плох? Я по трусости его сильно испортил» [3; 338]. 29 апреля 1887 года писатель соглашается на предложение С. Н. Шубинского издать в одном томе три произведения: «Кадетский монастырь», «Скоморох Памфалон» и «Спасение погибавшего». Основанием для объединения трех текстов послужила тема праведничества. «Мне бы очень хотелось, – писал Лесков, – чтобы все эти добряки собрались вместе» [3; 340]. Но замысел осуществился частично. В начале августа 1887 года вышел сборник «Повести и рассказы. I. Скоморох Памфалон. II. Спасение погибавшего». «Кадетский монастырь» не вошел в триаду, так как был запрещен Духовной цензурой. Новая публикация «Скомороха» послужила поводом для восстановления первоначального замысла. В окончательном 2-м варианте редакции – 1886 Лесков восстанавливает сформированный еще в редакции – 1886 идейный комплекс и устраняет сделанные ранее некоторые формальные исправления: снова включает проложные цитаты и имя Оригена. Через несколько лет 2-й вариант редакции – 1886 войдет без изменений в состав прижизненного Собрания сочинений Лескова (СПб., 1890. Т. 10).

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Пролог. М.: Син. тип., 1642–1643. Л. 445–446. Далее цитируется по данному источнику с указанием листов в скобках.

² Искренне благодарю доктора филологических наук, доцента РГГУ А. В. Маркова за ценные советы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. С. 157–192.

2. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 10. М.: Худож. лит-ра, 1956–1958. 597 с.
3. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М.: Худож. лит-ра, 1956–1958. 859 с.
4. Минеева И. Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 22 с.
5. Ранчин А. К творческой истории легенд Лескова «Повесть о богоугодном дровоколе» и «Скоморох Памфалон» (по материалам цензурных дел) // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 1997. С. 375–381.
6. Чередникова М. П. Об источниках легенды Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон» // Русский фольклор. Л.: Наука, 1972. Т. XIII. С. 111–122.

Mineeva I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

UNKNOWN FACTS ON THE HISTORY OF N. S. LESKOV'S STORY "THE BUFFOON PAMFALON (ANCIENT LEGEND)"

Some observations on the history of N. S. Leskov's novel "The Buffoon Pamphalon" are presented in the article. It was established that the starting point for the work's origin was not the hagiology "In memory of our father diocese Theodoulos", with which the writer got acquainted upon Prologue's publication in 1642–1643, but the summary notes made by him in his notebook. While working on the document, N. S. Leskov started debating with the original writing and eventually ended up by introducing a conceptual change. The idea of salvation, declared in the Prologue, was rather obscured in the synopsis. The problem of "Righteousness" happened to be the most important and interesting issue for the writer. According to the author's interpretation it was the buffoon Cornelius who was truly righteous but not the stylite Theodoulos, as it was written in the original text. In comparison to the stylite's righteousness, the buffoon's righteousness is not only a conceptual idea, but the essence of Presence. Such understanding of the original text conditioned the further direction of changes introduced by the author (a changed name of the Lives, an introduction of biographical/psychological characteristics of characters, a reduction of episodes). A revised plot of the Prologue started to gain new relevance in Leskov's perception in 1886. On the basis of his new perception the writer created a story "God-pleasing buffoon" (revised – 1886). Maintaining and developing the initial ideological core of the hagiology, N. S. Leskov developed the Prologue into a moral and philosophical story of righteousness as a service to people, an earthly world as a teaching school, a way of overcoming self-righteousness, a way of accepting personal wrongdoings, and recovery of lost relationship with God and the world. Upon prohibition of the 1887 edition by the secular and religious censorship N. S. Leskov was forced to make changes in his novel. To disguise religious sources of the first variant published in 1886 the author changed the former name of the story for the "The Buffoon Pamphalon", gave new names to the story characters, replaced the name of Origen by his nickname Adamant, and excluded the Prologue's quotes. All other changes had creative character (the epigraph, the final conversion). In the new edition of 1887 (2 edition, 1886) under the same title he eliminated previously made formal changes (Prologue's quotes and the name of Origen). Some archival materials introduced in the study are cited for the first time.

Key words: Russian literature of the XIX century, N. S. Leskov, the novel "The Buffoon Pamphalon"

REFERENCES

1. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of early Byzantine literature]. Moscow, Coda Publ., 1997. P. 157–192.
2. Leskov N. S. *Sobr. soch.* [Leskov N. S. Collected edition]. Moscow, FL Publ., 1956–1958. Vol. 10. 597 p.
3. Leskov N. S. *Sobr. soch.* [Leskov N. S. Collected edition]. Moscow, FL Publ., 1956–1958. Vol. 11. 859 p.
4. Mineeva I. N. *Drevnerusskiy Prolog v tvorchestve N. S. Leskova: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The Old Russian Prologue in N. S. Leskov's Art. Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2003. 22 p.
5. Ranchin A. On the creative history of Leskov's legends "A Tale of God-pleasing wood splitters" and "Buffoon Pamphalon" (On the Materials' of Censorship Affairs) [K tvorcheskoy istorii legend Leskova "Povest' o bogougodnom drovokole" i "Skomorokh Pamfalon" (po materialam tsenzurnykh del)]. *Neizdannyy Leskov* [Unpublished Leskov]. Moscow, IMLI RAN: Nasledie Publ., 1997. Vol. 1. P. 375–381.
6. Cherednikova M. P. On the sources of N. S. Leskov's legends "The Buffoon Pamphalon" [Ob istochnikakh legendy N. S. Leskova "Skomorokh Pamfalon"]. *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. XIII. P. 111–122.

Поступила в редакцию 21.09.2015